

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'373
ББК ШП41.12-36
DOI 10.26170/pl19-02-21

ГСИТИ 16.21.49; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Цзюй Хайна

Хэйхэский университет, Китай

ORCID ID: 0000-0002-2981-7108 E-mail: moskva20090923@mail.ru.

Модель фразеосемантического поля темпоральности в русской фразеологии

АННОТАЦИЯ. На материале русской фразеологии рассматриваются зафиксированные в русской языковой картине мира представления о времени (отобрано около 500 устойчивых оборотов данной тематики). Фразеологизмы анализируются с построением семантического поля: такой подход позволяет выделить особенности осмысления времени конкретным этносом, помогает выявить культурно-исторические стереотипы, зияющие на национальном менталитете и религиозных идеях. Совокупность фразеологических оборотов, объединенных общей темой «время», трактуется в работе как фразеосемантическое поле. Понятие времени может быть основным в значении фразеологизма, темпоральность может проявляться и в виде характеристики явления, процесса или признака. В соответствии с различной степенью близости фразеологизмов фразеосемантическое поле делится на сегменты, а они, в свою очередь, на микросегменты (пример: сегмент — единицы со значением выделенного временного отрезка, микросегменты — начальная фаза действия, период максимального проявления признаков, завершающая стадия действия). Установлено 13 сегментов рассматриваемого фразеосемантического поля, определена его структура (устойчивые обороты в центре отражают представления о времени отстраненно, как проявление изменчивости, вокруг центра расположены группы фразеологизмов, в значении которых помимо темы времени есть и другие, характеризующие конкретную ситуацию или объект). Отмечается, что различия между оборотами одного и того же сегмента могут быть как денотативными, так и экспрессивно-стилистическими (одни характерны для книжного стиля, другие носят сниженный, разговорный характер). Рассматриваются механизмы переосмысления, идиоматизации, в результате действия которых появляются фразеологизмы, прежде всего метафоризация. Особое внимание уделяется национально-специфичным оборотам, в том числе связанным с историческими реалиями. Представляется оптимальным структурировать фразеосемантическое поле времени в виде модели «лестничного» типа (центральная часть окружена секторами «лестничными»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеосемантические поля; темпоральность; микросегменты; фразеологические единицы; русский язык; фразеология русского языка; фразеологизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Цзюй Хайна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, Хэйхэский университет; 164300, Китайская Народная Республика, провинция Хэйлуньцзян, г. Хэйхэ, ул. Институтская, 1; e-mail: moskva20090923@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цзюй, Хайна. Модель фразеосемантического поля темпоральности в русской фразеологии / Цзюй Хайна // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 188-194. — DOI 10.26170/pl19-02-21.

В исследовании анализируется степень значимости концепта «Время» для русского языкового сознания. Данный концепт занимает важное место в языковой картине мира, отражающей представления русских людей о жизни, поскольку осознание времени играет определяющую роль в концептуализации мира. Обобщенные представления о времени конкретного народа находят отражение во фразеологии: *не нами началось, не нами и кончится; жизнь коротка, каждый час дорог; не ровён час, под Богом ходим; судьба написана на небесах; что на роду написано, то и сбудется; Бог терпел и нам велел; думы за горами, а смерть за плечами; жизнь прожить — не поле перейти. На жизненном пути будут беды и скорби, но мужик умирать собираться, а земельку паши, Бог не оставит, будут и красные дни.*

В. К. Хониг, введший понятие «темпоральной когнитивной карты», определил его как психологическую структуру в долгосрочной памяти, которая формируется на основе опыта повторяющихся последовательностей событий. Н. А. Потаенко считает, что совокупность языковых средств репрезентации времени формирует функционально-семантическое поле. В подобном аспекте данная проблема отражена в других работах [Булыгина, Шмелев 1997; Категоризация мира: пространство и время 1997; Логический анализ языка 1997; Серебренников 1988; Хайдеггер 1993].

С утверждением в лингвистической науке антропоцентрической парадигмы, сосредоточенной на анализе языковой картины мира как языкового воплощения результатов познания действительности, актуализируются проблемы сущности семантического

го поля.

По нашему мнению, полевой подход к исследованию фразеологии времени дает возможность установить особенности восприятия времени конкретным этносом, помогает выявить культурно-исторические стереотипы, связанные с оценкой времени говорящим, позволяет определить принципы восприятия времени, в основе которых лежат «народная философия» и религиозные представления.

В лингвистических работах не сформулированы единые подходы к исследованию фразеосемантического поля. Само понятие семантического поля, репрезентированное в терминах «понятийное поле» и «словесное поле», было предложено в 30-х гг. XX в. немецким лингвистом Й. Триром. Позже теория Й. Трира была доработана представителем современного неогумбольдтианства Л. Вейсгербером. Взгляды Й. Трира подверглись критике со стороны лингвистов. В качестве главной ошибки ученого называли то, что в анализе он исходит не из языковых единиц, а из понятий. Проблема системной организации номинативного инвентаря языка была рассмотрена Д. Н. Шмелёвым [Шмелев 1964]. Также исследователей интересовал вопрос системных отношений во фразеологии [Алефиренко, Семененко 2009; Жуков 1986; Жуков В. П., Жуков А. В. 2006; Телия 1996].

Под фразеосемантическим полем мы понимаем совокупность фразеологических оборотов, объединенных общей семой, в нашем случае — «время». Элементы поля связаны разными видами отношений, которые определяются денотативной направленностью на определенный фрагмент действительности (временное существование человека и окружающей его действительности), концептуальной совместимостью конкретных единиц, ситуативной соположенностью называемых элементов действительности, ассоциативными связями. Другими словами, изучаемое семантическое поле состоит из ряда устойчивых оборотов, в значении которых есть сема «время» и которые активно используются при обозначении временных отрезков, или темпорального аспекта явлений и процессов: *в наши дни; испокон веку (веков); в прошлом; прекрасное далёко; на заре жизни; со школьной скамьи; к шапочному разбору; лихие девяностые; адмиральский час; в недалёком будущем; новые русские; Смутное время; в темпе вальса; время не ждёт.*

В роли семантической скрепы поля выступает интегральная сема «время». Этот признак может быть основным в значении

фразеологизма, как, например, в оборотах *медовый месяц, на закате жизни, в расцвете сил, на ночь глядя.* Темпоральность может являться характеристикой явления, процесса или признака: *как блины печёт* (о творческой активности), *на пике славы, Улита едет, с места в карьер, период застоя.*

Элементы фразеосемантического поля характеризуются разной степенью близости, в связи с этим в пространстве поля можно выделить участки — так называемые сегменты, куда входят элементы, близкие по значению. В «Словаре-тезаурусе русской идиоматики», подготовленном А. Н. Барановым, Д. О. Добровольским, Ю. Н. Карауловым и другими исследователями, отражен опыт дифференциации темпорального семантического поля русской фразеологии. Членение фразеосемантического поля представлено в издании достаточно убедительно и аргументированно. Оправданны и концептуализированы выделенные на базе денотативного критерия группы фразеологизмов. Члены фразеосемантического поля являются результатом осмысления носителями языка категории времени как важной категории существования. Категория времени отражает восприятие человеком сути жизни как протекающей в определенных пределах существования в изменяющемся природном, социально-культурном и историческом контекстах.

В настоящем исследовании объединение фразеологизмов носят название сегментов, а конкретные ряды внутри сегмента обозначаются как микросегменты. Например, устойчивые обороты со значением выделенного временного отрезка формируют сегмент, для единиц которого характерна рамочная структура «от — до», «с — до» (*от звонка до звонка, от темна до темна, с утра до ночи, с вечера до рассвета*). В свою очередь, данный сегмент может разделяться на микросегменты, в состав которых будут входить фразеологизмы, обозначающие различные фазы явления: 1) начальную фазу — *лиха беда начало, с пелёнок, со школьной скамьи*; 2) период максимального проявления каких-либо качеств: *в пору зрелости, в соку, на пике*; 3) завершающую стадию явления: *сойти на нет, исчерпать силы, прийти к финишу.*

В структуре семантического поля темпоральных фразеологизмов русского языка нами были выделены 13 сегментов: 1) этапы жизненного пути человека; 2) моменты суточного цикла; 3) фразеология времен года; 4) оценка темпа явлений; 5) соответствие/несоответствие времени обозначаемых со-

бытий; 6) будущее — во власти судьбы; 7) неопределенность/неизвестность времени будущих событий; 8) раньше ожидаемого — позже ожидаемого; 9) выделенные моменты времени; 10) непрестанность изменений во времени мира и человека; 11) время приближения ухода человека из жизни; 12) разумное/неразумное использование времени; 13) время далекого прошлого.

Представим сегменты фразеосемантического поля в виде модели «лепесткового» типа («ромашки»), с сердцевинкой — центральной частью и секторами — «лепестками» (см. рис.).

Приведенная на рисунке модель фразеосемантического поля отражает сформировавшуюся в русском сознании картину времени, упорядоченную в представлениях людей, наблюдающих жизненные процессы и переживающих их в отведенное судьбой время. Важной стороной пословичной темпоральной картины в русском языке является ее «самобытность, коренная сила, обилие и разнообразие в изъяснении мыслей и чувств, <...> как живые, гласные памятники самородного ума, свободной фантазии и языка <...>» [Снегирев 2012: 133].

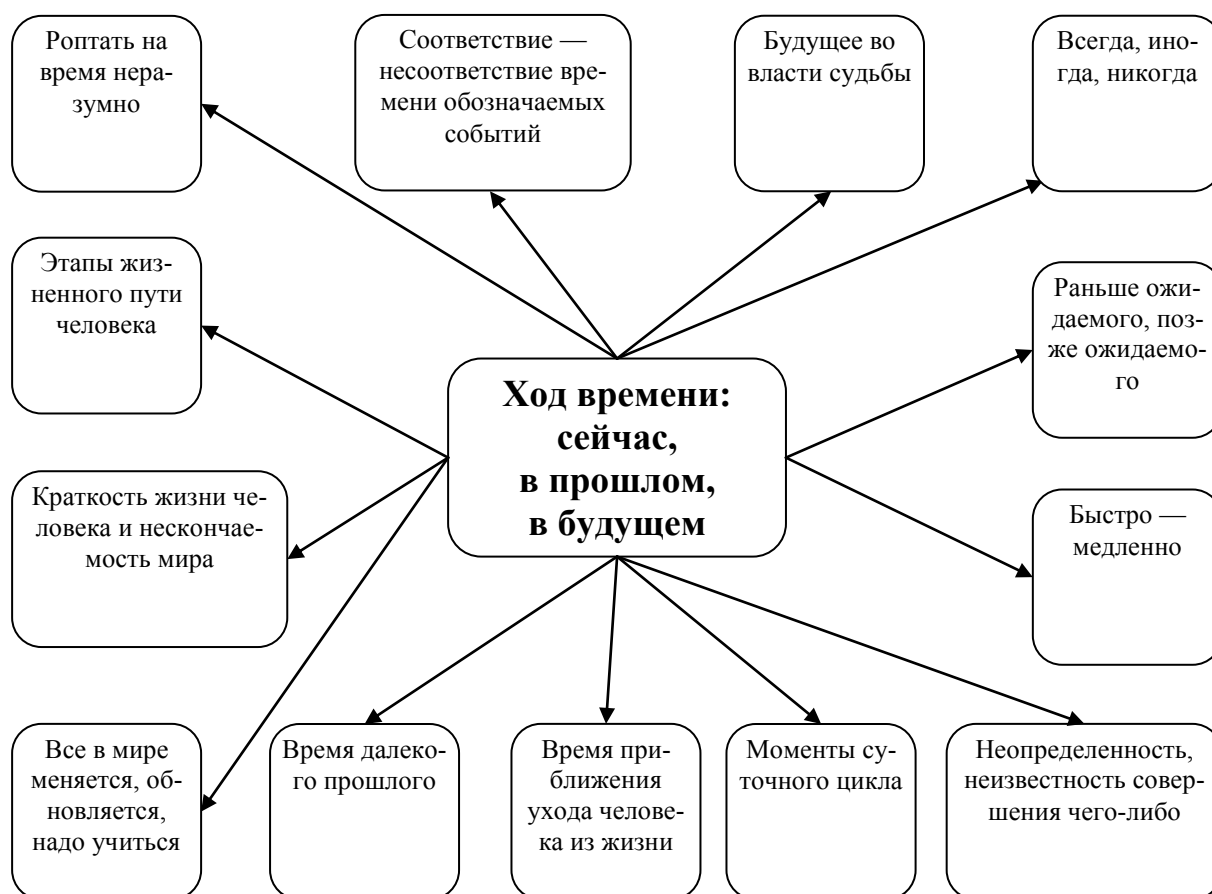

Рис. 1. Модель фразеосемантического поля темпоральности

Устойчивые обороты в центре отражают представление о времени отстраненно, без конкретизации жизненных явлений, «философски», как некий поток, в который включено всё на Земле, и материальное, и духовное по сути. В данном случае концепт «время» занимает доминирующее положение как воплощение идеи изменения. К фразеологизмам центра можно отнести небольшое количество оборотов: *текущий момент, время идёт, время не ждёт, время истекло, летят года, прошлое не воротить, актуальный период, что день грядущий нам готовит?* Внимание человека сосредоточено

но на прошедших событиях и ожидаемых явления. Настоящее не акцентировано, поэтому так мало оборотов, фиксирующих явления этого момента.

Вокруг центральной идеи времени находятся группы фразеологизмов, в значении которых, помимо семы времени, есть и другие, характеризующие конкретную ситуацию или объект. Скрепляют обороты разных сегментов семы, которые объединяют единицы с точки зрения практического восприятия. Так, сегмент «начало — конец» состоит из оборотов, где актуализируются временные границы процессов: *первый шаг (первые*

шаги), вступать/вступить на путь, вступать/вступить в строй, с азов, проба пера, первым делом, закладывать/заложить фундамент, лёд тронулся, первая ласточка, чуть свет, с первым вздохом, от печки; дело в шляпе, с плеч/с рук долой, песенка спета, выходит/выйти в тираж, ставить/поставить точку, к шапочному разбору, идти/катиться под гору, лебединая песня, дышать на ладан.

Как уже отмечалось, в семантике устойчивых оборотов есть интегральная сема «начальный момент процесса», «завершающий момент процесса», но она конкретизируется за счет других сем, связывающих фразеологизм с конкретной реалией. Например, оборот *с азов* имеет значение «начало познания чего-л., начальные шаги в освоении какого-л. мастерства, усвоение основ, простейших правил чего-л.». Фразеологизм *закладывать/заложить фундамент* обозначает «создавать то, что является исходным, начальным, основным (для какой-то отрасли науки, культуры, образования и т. п.)» [Яранцев 1997: 467]. Сравнивая обороты *к шапочному разбору* и *лебединая песня/песнь*, приходим к следующему: первый оборот обозначает «опоздать, прийти, когда присутствующие, завершив дела, уже уходят»; фразеологизм *лебединая песня/песнь* имеет значение «последнее, завершающее произведение кого-л.; последнее проявление гения или таланта кого-л.» [Яранцев 1997: 483]. Данные обороты описывают различные ситуации, кроме того, обладают различиями в сфере употребления: *к шапочному разбору* — ситуация опоздания, стиль — разговорный, *лебединая песня/песнь* — ситуация оценки, стиль — книжный.

Различия между оборотами одного и того же сегмента могут быть как денотативными, так и экспрессивно-стилистическими. Обратимся к сочетаниям *лебединая песня/песнь* и *песенка спета*. Первый оборот характерен для книжного, высокого стиля, а второй носит сниженный, разговорный характер. Представим контексты их употребления: «„Вишнёвый сад“ справедливо считается „лебединой песнью“ Чехова-драматурга. Новаторские поиски ранних драматургических опытов в сфере композиции, структуры, стиля слились здесь в гармоническое единство»; «Я о вас часто думаю: как вы перешли этот ужасный рубеж, пятьдесят пять? Это ужас — пенсия! — Не сама пенсия, а право её получать. *Песенка твоя спета*, пора на заслуженный отдых» (Грекова. Пороги).

Анализ фразеологизмов русского языка из фразеосемантического поля «Время» по-

казывает, что корпус устойчивых оборотов, в значении которых есть указание на время, в русском языке репрезентативен и включает около 500 единиц. Все они формируют фразеосемантическое поле темпоральности за счет интегрального признака «время». Однако семантика фразеологизмов неоднородна, поскольку они характеризуют субъект и его действия во времени с разных сторон. Одни обороты характеризуют этапы жизни человека, другие — выделяемые в сутках периоды, третьи содержат осмысление причин позитивного или негативного характера жизни человека и т. д. В целом картина темпоральности в русском языке представлена различными сторонами бытия (практического и духовного). Дифференциация фразеосемантического поля проводится в опоре на переносные значения устойчивых оборотов. Кроме этого, принимается во внимание характер семантики фразеологизмов со значением времени.

Обращение к семасиологической стороне обозначений временных периодов, темпа протекающих событий или явлений позволяет определить национальный взгляд на происходящее с человеком и окружающим миром во времени. В данном случае мы говорим о способах переосмысления, идиоматизации, которые сформировались в русском языке для вербализации суждений о временном аспекте явлений. Во-первых, это метафоризация. Метафоры формировались в результате наблюдений человека над реальными процессами или в опоре на его мышление. В процессе образования фразеологизмов существенную роль играла и символика (*душа, сон, медовый, допотопный, нежный*). Национальной самобытностью характеризуются сравнения, алогизмы и другие средства.

Система языковых средств особого рода, которые оценочно репрезентируют ход бытия в национальной картине мира, является вследствие коммуникативных потребностей (экспрессивно представить картину мира) и необходимости осмыслить динамику жизни.

Современными учеными (в частности, Московской семантической школой во главе с В. Н. Телия) определено, что фразеология — это сокровищница национальной культуры, поскольку устойчивые обороты отражают установки культуры и национальный менталитет, передаваясь из поколения в поколение. Представление о времени и разумное существование человека в нем находят свое отражение в культурологическом компоненте фразеологизмов, передающих временные характеристики жизненных процессов. Это

можно проследить на примере отбора образов, в национально окрашенных уподоблениях, в использовании наивных и мифологических оценок (*на роду написано, боженька поцеловал, все там будем, детское время, обгонять время, в одно мгновение*), в символике временных отрезков, в кодах культуры, в морально-нравственных установках.

Национальный колорит русской темпоральной фразеологии передают обороты, отражающие исторические реалии, например: *незванный гость хуже татарина, Смутное время, лихие девяностые, культурная революция, в Европу прорубить окно, священная война*. Сочетания, повлиявшие на жизнь народа и ставшие воспроизводимыми, несут отпечаток минувших событий и сохраняют национальный колорит.

С точки зрения когнитивной лингвистики совокупность устойчивых оборотов, передающих значение времени, можно рассматривать как репрезентацию разветвленной структуры концепта «Время», отражающего время вечности и время личности. Данный концепт в некоторых проявлениях этнически и культурно ориентирован. Его структура состоит из ядра, ближайшей периферии и дальней периферии. Власть времени невозможно преодолеть, его одностороннее движение к бесконечности становится главной пружиной жизни. Русская этническая общность молода по сравнению с некоторыми, однако у нее сформировался оригинальный культурный и ментальный мир, который в вербальной форме представил неповторимость и своеобразие мировоззрения и миропонимания в аспекте времени. Фразеологическая модель концепта «Время» представлена сегментарно: в центре — ядро, фразеологизмы, образы которых ярко характеризуют суть временной динамики: *время идет/летит/мчится/льется*; сегменты заключают обороты, которые актуализируют разные стороны проявления времени.

Таким образом, полевой подход к изучению фразеологизмов русского языка, объединенных интегральной семой «время», позволяет определить различные аспекты осмысления категории времени и описать ее репрезентацию в русском быте, менталитете и в национальной культуре, в том числе религиозной. В нашем исследовании фразеосемантическое поле времени наглядно представлено в виде модели «лепесткового»

типа, т. е. «ромашки» с сердцевиной — центральной частью, окруженной секторами «лепестками».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. — М. : Флинта : Наука, 2009. 344 с.
2. Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / под ред. Е. Л. Березович. — М. : АСТ-Пресс книга, 2015. 544 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М. : АТС-Пресс книга, 2006. 784 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
5. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». — М. : Просвещение, 1986. 160 с.
6. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2006. 408 с.
7. Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. / под ред. Е. С. Кубряковой, О. В. Александровой. — М. : Диалог-МГУ, 1997. 250 с.
8. Китайский фразеологический словарь. — Пекин, 2006. 1001 с. = 中华成语词典, 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006.
9. Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. — М. : Индрик, 1997. 352 с.
10. Потаенко Н. А. Лингвистические аспекты концептуализации возраста человека. Сфера темпоральности в структуре языковой картины мира // Время и человек (Человек в пространстве концептуальных времен) : сб. науч. тр. / под науч. ред. В. С. Чуракова. — Новочеркасск : НОК, 2008. С. 193—208.
11. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. — М. : Наука, 1988. 242 с.
12. Снегирёв И. М. Русские в своих пословицах: рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. Изд. 2-е. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 184 с. (Лингвистическое наследие XIX века).
13. Солодуб Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). — М. : МГПИ им. Ленина, 1985. 112 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 286 с.
15. Тянь Цзюнь. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001. 214 с.
16. Хайдеггер М. Время и бытие. — М. : Республика, 1993. 447 с.
17. Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М. : Просвещение, 1964. 244 с.
18. Яранцев Р. И. Русская фразеология : словарь-справочник. — М. : Русский язык, 1997. 845 с.
19. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. — М. : Наука, 1981. 111 с.
20. Чжао Синью, Чжао Синьмао. Многофункциональный фразеологический словарь. — Пекин, 2004. 1074 с. = 赵辛予, 找辛茅. 多功能成语词典, 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2004.

Tsjui Haina

Heihe University, Republic of China

ORCID ID: 0000-0002-2981-7108

 E-mail: moskva20090923@mail.ru.

A Model of Phraseosemantic Field of Temporality in Russian Phraseology

ABSTRACT. The article deals with the expressions of time (the sample includes about 500 phraseological units with the temporal meaning) in the Russian worldview on the material of Russian phraseology. Phraseological units are analyzed alongside with the construction of a semantic field: such approach allows distinguishing the peculiarities of understanding of time by a concrete ethnos and helps to reveal the cultural-historical stereotypes based on the national mentality and religious ideas. A group of phraseological units with the common semantic component “time” is treated in the paper as a phraseosemantic field. The notion of time may be the basic one in the semantic structure of a phraseological unit; temporality may be also expressed in the form of a characteristic of a phenomenon, process or quality. In accordance with various degree of semantic proximity of phraseological units, the phraseosemantic field is subdivided into segments, and they, in their turn, are broken into microsegments (for example, the segment – units with the meaning of a stretch of time, microsegments – the initial phase of an action, the phase of the maximum manifestation of the properties, the final phase of an action). The article singles out 13 segments of the phraseosemantic field under study and defines its structure (the core phraseological units reflect the temporal notions from a distance, as a manifestation of changeability; around the core of the field there are groups of phraseological units the meanings of which, alongside the temporal seme, incorporate other ones, characterizing a concrete situation or object). It is noted that the differences between the units of the same segment may be either denotative or expressive-stylistical (some of them are typical of the literary style, while others have the features of the low colloquial nature). The author considers the mechanisms of transfer of meaning and idiomatization which result in the emergence of phraseological units and the process of metaphorization. Special attention is paid to nationally-specific units, and specifically to those associated with historical realia. It is convenient to represent the structure of the phraseosemantic field in the form of radar chart (in which the core area is surrounded by a number of sectors).

KEYWORDS: phraseosemantic fields; temporality; microsegments; phraseological units; Russian language; Russian phraseology; phraseologisms.

AUTHOR'S INFORMATION: Tsjui Haina, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Russian Language Department, Heihe University, China.

FOR CITATION: Tsjui, Haina. A Model of Phraseosemantic Field of Temporality in Russian Phraseology / Tsjui Haina // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 188-194. — DOI 10.26170/pl19-02-21.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Phraseology and Paremiology: teaching aid for the bachelor level of philological education. — M.: Flinta : Science, 2009. 344 p. [Frazeologiya i paremiologiya : ucheb. posobie dlya bakalavrskogo urovnya filologicheskogo obrazovaniya. — M.: Flinta : Nauka, 2009. 344 s.]. — (In Rus.)
2. Atroshenko O. V., Krivoshchapova Yu. A., Osipova K. V. Russian Folk Calendar. Ethnolinguistic Dictionary / ed. E. L. Bezrezovich. — Moscow : AST-Press book, 2015. 544 p. [Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar' / pod red. E. L. Bezrezovich. — M.: AST-Press kniga, 2015. 544 s.]. — (In Rus.)
3. Large Phraseological dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary / resp. ed. V. N. Teliya. — Moscow : ATS-Press book, 2006. 784 p. [Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii / otv. red. V. N. Teliya. — M.: ATS-Press kniga, 2006. 784 s.]. — (In Rus.)
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. The Language Conceptualization of the World (on the Material of Russian Grammar). — Moscow : School “Languages of Russian culture”, 1997. 576 p. [Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki). — M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 576 s.]. — (In Rus.)
5. Zhukov V. P. Semantics of Phraseological Phrases: teaching aid for students of universities, specialisation: “Rus. lang. and literature”. — Moscow : Enlightenment, 1986. 160 p. [Semantika frazeologicheskikh oborotov : ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. «Rus. yaz. i lit.». — M.: Prosveshchenie, 1986. 160 s.]. — (In Rus.)
6. Zhukov V. P., Zhukov A. V. Russian Phraseology: teaching aid. 2nd ed., rev. and add. — Moscow : High School, 2006. 408 p. [Russkaya frazeologiya : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Vysshaya shkola, 2006. 408 s.]. — (In Rus.)
7. Categorization of the World : Space and Time : materials of scientific conf. / ed. E. S. Kubryakova, O. V. Alexandrova. — Moscow : Dialogue-MSU, 1997. 250 p. [Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya : materialy nauch. konf. / pod red. E. S. Kubryakovoy, O. V. Aleksandrovoy. — M.: Dialog-MGU, 1997. 250 s.]. — (In Rus.)
8. Chinese phrasebook. — Beijing, 2006. 1001 p. [Zhonghua chengyu cidan. — Beijing : Shangwu yinshuguan guoji youxian gongsi, 2006. 1001 s.]. — (In Chinese.)
9. Logical Analysis of the Language. Language and Time / resp. ed. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko. — Moscow : Indrik, 1997. 352 p. [Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya / otv. red. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko. — M.: Indrik, 1997. 352 s.]. — (In Rus.)
10. Potaenko N. A. Linguistic Aspects of Conceptualizing a Person's Age. The sphere of Temporality in the Structure of the Linguistic Picture of the World // Time and Man (Man in the Space of Conceptual Times) : collection of scientific works / under scientific ed. of V. S. Churakova. — Novocherkassk : NOK, 2008. p. 193—208. [Lingvisticheskie aspekty kontseptualizatsii vozrasta cheloveka. Sfera temporal'nosti v strukture yazykovoy kartiny mira // Vremya i chelovek (Chelovek v prostranstve kontseptual'nykh vremen) : sb. nauch. tr. / pod nauch. red. V. S. Churakova. — Novocherkassk : NOK, 2008. S. 193—208]. — (In Rus.)
11. Serebrennikov B. A. The Role of the Human Factor in the Language. Language and Thinking. — Moscow : Science, 1988. 242 p. [Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie. — M.: Nauka, 1988. 242 s.]. — (In Rus.)
12. Snegirev I. M. Russians in their Proverbs: Reasoning and Research on Russian Proverbs and Sayings. Ed. 2nd — M.: Book House “LIBROCOM”, 2012. 184 p. (Linguistic heritage of the nineteenth century). [Russkie v svoikh poslovitsakh: rassuzhdeniya i issledovaniya ob otechestvennykh poslovitsakh i pogovorkakh. Izd. 2-e. — M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012. 184 s. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka)]. — (In Rus.)
13. Solodub Yu. P. Russian Phraseology as an Object of Comparative Structural-Typological Research (on the material of

phraseological units with the value of a person's qualitative assessment). — Moscow : MGPI n. a. Lenin, 1985. 112 p. [Russkaya frazeologiya kak ob"ekt sopostavitel'nogo strukturno-tipologicheskogo issledovaniya (na materiale frazeologizmov so znacheniem kachestvennoy otsenki litsa). — M. : MGPI im. Lenina, 1985. 112 s.]. — (In Rus.)

14. Teliya V. N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. — Moscow : School "Languages of Russian culture", 1996. 286 p. [Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 286 s.]. — (In Rus.)

15. Tian Jun. Structural and Semantic Features of Somatic Phraseological Units in Russian and Chinese doctoral thesis of Cand. of Philol. Sciences. — Volgograd, 2001. 214 p. [Strukturnye i semanticheskie osobennosti somaticheskikh frazeologizmov v russkom i kitayskom yazykakh : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2001. 214 s.]. — (In Rus.)

16. Heidegger M. Time and Being. — Moscow : Republic, 1993. 447 p. [Vremya i bytie. — M. : Respublika, 1993. 447 s.]. — (In Rus.)

17. Shmelev D. N. Essays on the Semasiology of the Russian Language. — Moscow : The Enlightenment, 1964. 244 p. [Ocherki po semasiologii russkogo yazyka. — M. : Prosveshchenie, 1964. 244 s.]. — (In Rus.)

18. Yarantsev R. I. Russian Phraseology: Dictionary. — Moscow : Russian Language, 1997. 845 p. [Russkaya frazeologiya : slovar'-spravochnik. — M. : Russkiy yazyk, 1997. 845 s.]. — (In Rus.)

19. Yartseva V. N. Contrastive Grammar. — Moscow : Science, 1981. 111 p. [Kontrastivnaya grammatika. — M. : Nauka, 1981. 111 s.]. — (In Rus.)

20. Zhao Xinyu, Zhao Xinmao. Multifunctional Phraseological Dictionary. — Beijing, 2004. 1074 p. [Zhao Xinyu, Zhao Xinmao. Duogongneng chengyu cidian. — Beijing : Shangwu yinshuguan guoji youxian gongsi, 2004. 1074 s.]. — (In Chinese.)